

ЛИНГВИАФАН

Роль лингвистического фактора в социальном управлении и историческом развитии

Ягья Ватаняр Саидович

Санкт-Петербургский государственный университет
Заведующий кафедрой мировой политики факультета международных отношений
Доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации
yagua@sir.edu

Чернов Игорь Вячеславович

Санкт-Петербургский государственный университет
Доцент кафедры мировой политики факультета международных отношений
Кандидат исторических наук, доцент
i.chernov@spbu.ru

Ковалевская Наталья Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет
Доцент кафедры мировой политики факультета международных отношений
Кандидат политических наук, доцент
pr.mopse@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается вопрос о роли лингвистического фактора в социальном развитии человеческого общества во всех его проявлениях. Язык является необходимой основой для любой коммуникации и социально-политической организации. С нашей точки зрения, язык образует социальные общности на всех уровнях и поддерживает разделение между ними.

В современном мире лингвистический фактор сопровождает (или даже лежит в основе) важнейших глобальных исторических процессов. Глобализация является продуктом европейского, западного и христианского мира как общности и англоязычна в своей конкретной интерпретации. Глобализация сопровождается и одновременно продвигается всепланетным распространением английского языка, выходом его на глобальный уровень. Одновременная фрагментация во всех своих формах также, прежде всего, возникает на основе языкового многообразия. Лингвистический фактор в значительной степени определяет будущее международных политических союзов, соотношение сил между которыми и должно обозначить контуры нового мирового порядка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

языковой коллектив, международные отношения, язык, идеология, социальная общность, глобализация, фрагментация

Yagya V. S., Chernov I. V., Kovalevskaia N. V.

LINGUIATHAN. Role of a Linguistic Factor in Social Management and Historical Development

Yagya Vatanyar Saidovich

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
Head of Chair of World Politics of the School of international relations
Doctor of science (History), Professor, Honored worker of science of the Russian Federation
yagua@sir.edu

Chernov Igor Vjacheslavovich

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
Associate Professor of Chair of World Politics of the School of international relations

Kovalevskaia Natalia Vladimirovna

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
Associate Professor of Chair of World Politics of the School of international relations
PhD in Political Science, Associate Professor
pr.mopse@gmail.com

ABSTRACT

In this article is considered the role of a linguistic factor in social development of human society in all its manifestations. Language is a necessary basis for any communication and the socio-political organization. From our point of view the language forms social communities at all levels and supports division between them.

In the modern world the linguistic factor accompanies (or even is the cornerstone) the major global historical processes. Modern 'English-speaking' globalization is a product of the European, Western and Christian community. Globalization is followed and at the same time moves ahead by English language. Also fragmentation in all the forms, first of all, evolves from language variety. The linguistic factor substantially defines the future of the international political unions, designate contours of a new world order.

KEYWORDS

speech community, international relations, language, ideology, social community, globalization, fragmentation

«Nature... is by the art of man, as in many other things, so in this also imitated, that it can make an Artificial Animal... For by Art is created that great Leviathan called a Commonwealth, or State, (in latine Civitas) which is but an Artificiall Man; though of greater stature and strength than the Naturall, for whose protection and defence it was intended... Lastly, the Pacts and Covenants, by which the parts of this Body Politique were at first made, set together, and united, resemble that Fiat, or the Let Us Make Man, pronounced by God in the Creation».

«Человеческое искусство... является подражанием природе... в том, что оно умеет делать искусственное животное... Искусством создан тот великий Левиафан, который называется... Государством (по-латыни — Civitas), и который является лишь искусственным человеком, хотя и более крупным по размерам и более сильным, чем естественный человек, для охраны и защиты которого он был создан... Договоры и соглашения, при помощи которых были первоначально созданы, сложены вместе и объединены части политического тела, похожи на то «fiat», или «сотворим человека», которое было произнесено Богом при акте творения» [6, с. 5–6].

Гоббс Т. Левиафан

1. Роль лингвистического фактора в изучении истории международных отношений

Томас Гоббс создал своего Левиафана как образ государства, сотворенного людьми для их же блага. Этот гигантский и всемогущий «искусственный человек» (по его выражению) защищает людей и помогает им. Только через него, управляя им, и само человечество становится всемогущим. Выбор этого термина на первый взгляд не совсем понятен. Ведь в Библии Левиафан это огромное и страшное морское чудовище, совладать с которым не в силах никто и ничто, кроме его Соз-

дателя и Творца. Видимо, Левиафан Гоббса это нечто иное. Это столь же могущественный, но направленный на добро, социальный организм.

Социальная организация невозможна без общения и языка. Именно язык является необходимым условием для всякой социальности. Как пишет Л. Блумфилд, любое общество это, прежде всего, языковой коллектив¹ [3].

Язык объединяет усилия людей, накапливает опыт и знания, передает и создает новую информацию. Именно язык конструирует этого «искусственного человека», который владеет миром и даже вырывается за его пределы. Поэтому гоббсовскому созданию более подошло бы имя Лингвиафан. Ибо язык (*lingua*) создал человека и лежит в основе любой социальной структуры. Человеческий социум это и есть Лингвиафан. Всемогущий благодаря языку.

История как наука ищет закономерности в историческом процессе и на этой основе пытается выявить законы социального развития. Начиная с XIX в., при изучении сферы истории, особое внимание уделялось экономической обусловленности социально-политических процессов, происходящих как на внутригосударственном, так и на международном уровне. В начале XXI в. можно говорить о том, что значительная часть исследователей продолжают рассматривать историю и международные отношения, прежде всего, как часть политической экономики (как бы она не называлась). Этот «экономический» метод принес свои плоды — его достижения очевидны и впечатляющи. Однако при применении его выводов и результатов на практике возникают некоторые проблемы, которые не могут быть объяснены чисто экономическими причинами. Поэтому не удивительно, что вместе с «экономизмом» появляются и его ожесточенные критики. По их мнению, тотальное господство экономического детерминизма разбивается о сложность человеческой природы и нелинейность (а порою, и нелогичность) мышления. Не подвергая сомнению важность анализа экономических процессов для объяснения механизмов и движущих сил истории, представляется, тем не менее, что исторический материализм полезен, но не всеохватен.

Тем не менее идеалистический подход к изучению истории, ставящий на первое место в изучении исторического процесса нематериальные факторы, очевидно, имеет меньшую научную базу и поэтому достаточно произволен в своих аксиомах и выводах. Будь это культурно-цивилизационный анализ человеческих общностей (Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби, С. Хантингтон и т. д.) или же современный конструктивизм, идущий в русле идей М. Фуко.

Как ни странно, и то и другое направление зачастую оставляет в стороне язык как важнейший и объективный фактор исторического развития. Игнорируется тот инструмент, который создает социальные общности на всех уровнях и отличает человеческий социум от любых других «социальных» организаций в природном мире. Любая социальная общность создается и воспроизводится языком. Он же определяет и маркирует внешние объективные границы этой общности. Вся история человеческой цивилизации это история развития, взаимодействия и противоборства различных языков (через образованные ими на всех уровнях языковые коллективы). Причем, как писал Э. Сепир, «языкознание лучше всех социальных наук демонстрирует своими фактами и методами, несомненно, более легко устанавливаемыми, чем факты и методы других дисциплин, имеющих дело с социологизированным поведением, возможность подлинно научного из-

¹ «Языковой коллектив (Speech community) — это группа людей, взаимодействующих посредством речи. Все так называемые высшие формы деятельности человека, т. е. специфические для него виды деятельности, порождены тесным сотрудничеством между людьми, которое мы называем обществом, и это сотрудничество в свою очередь осуществляется с помощью языка; таким образом, языковой коллектив — это наиболее значительная из социальных группировок».

учения общества, не подражая при этом методам и не принимая на веру положений естественных наук» [15, с. 265]. «Язык — это... ключ к пониманию культуры и истории зарубежного государства, средство изучения современного состояния его политического устройства, структуры общества, системы отношений между людьми» [18, с. 21].

Предлагаемый новый подход к историческому анализу не является всеохватной теорией, это скорее новый взгляд на хорошо известную реальность.

2. Язык создает человека и все социальные общности

Можно приводить множество определений того, что такое человек, но наиболее адекватное определение, на наш взгляд, основывается на двух главных функциях языка — коммуникативной и когнитивной («мыслеобразующей»). Следовательно, человек это социальное существо, обладающее разумом. «Языковая деятельность — определяющее свойство человека как биологического вида» [1, с. 14]. Другими словами, *исходной аксиомой для нас является то, что человек создан языком*. Споры о возрасте человечества должны сводиться к определению того момента, когда появился язык, ибо пока не было языка не существовало и человека. Следовательно, любое человеческое общество (или общественная группа на любом уровне, имеющая так называемую «групповую идентичность») рассматривается нами как языковое общество *par excellence*, т. е. существующее на базе некоего языка как условного кода для общения.

Люди с древности чувствовали важнейшую роль языка и интерпретировали ее (хотя бы и на мифологический манер). Легенда о Вавилонской башне стала основой для лингвистического и этнического анализа вплоть до конца Средневековья. Так, например, позднеримский поэт Клавдий Марий Виктор, живший в V в., писал:

*Тогда Бог Всемогущий небесным голосом сенат свой созывает
Из ангелов, безумным делом удивленный толпы высокомерной;
И говорит своим соратникам по власти:
Фалангу смертных видите, что в дерзновенье смелом идет вперед
И сонмы неразумных влечет с собою в замысле отважном.
Которая поверила, что сможет рукою, созданную смертными людьми
Небес коснуться высших и достигнуть эфира нашего,
В то время как никто из тех, кто в тело облечен,
На небо не вошел и вниз с высот небесных не спустился.
Но так как их народ един, и форма речи одинакова для всех,
Строительство свое они продолжают до тех пор
Пока в согласье общем начатое дело
Не завершат: настолько разум человеческий безумен.
Так действуйте (и пусть они узнают, что этого нельзя).
Спускаемся и души гордые согласьем превосходным
Мы в беспорядок приведем их ртов же голосами.
И потому все то, что натворили согласиём умов,
Осуждено к смущенью наилучшее разладом в языке.
...
В то время как разделенная кровная связь пропадает в племени этом,
Народ языком создается: на равные группы разобщены,
Отдельных просят для каждой под заселенье земель...» [20].*

Эту же мысль мы встречаем и у Исидора Севильского, жившего в VI в., «Этимологии» которого стали энциклопедическим пособием для всего Средневековья: «В начале же было столько народов, сколько и языков, затем больше народов, чем языков; так как из одного языка возникают многие народы... По той причине вна-

чале мы ставим языки, а потом народы, что народы возникли от языков, а не языки от народов» [21].

С нашей точки зрения, на самом деле *язык образует социальные общности на всех уровнях и поддерживает разделение между ними*. И прежде всего язык играет решающую роль в процессе создания и сохранения этноса. Понятие этноса не может быть определено через общее происхождение («расовая чистота» не только опасная, но и с исторической точки зрения фальшивая категория), общую территорию (этнос может не иметь ее), некие общие психологические признаки (часто надуманные). Тем не менее, очевидно, что этнос не является искусственно созданной когнитивной конструкцией, он — продукт естественного исторического развития, он — если можно так выразиться, материален. С нашей точки зрения, ключевым материальным фактором для определения этноса является наличие единого языка. *Этнос («народ») — это люди, 1) имеющие один и тот же родной язык (первичный «материальный фактор»); 2) считающие себя частью этого этноса (вторичный, психологический фактор) и, потому, имеющие единый этноним*. Этнос как социальная общность создается и поддерживается единым языком, как основой любой культуры. Этнос определяется языком как на философском уровне (язык выступает как способ восприятия мира, определяющий психологические и культурные особенности этноса), так и на социальном (основным принципом которого является постулат о том, что географические границы «моего» (удобного для проживания) мира ограничены границами распространения «моего» языка).

Таким образом, главным и основным маркером этнических границ является конкретный язык. И только на основе общности языка возможно создание коллективной этнической идентичности. Разумеется, этнос (как и язык) не является чем-то закрытым и статичным. Процесс количественных и качественных изменений во времени и в пространстве расщепляет старые этносы, создает новые или стирает исторические границы между этносами, создавая нации. Именно язык оказывает мощное идеологическое влияние на говорящее на нем общество, унифицирует и отчасти программирует его. Сохранение своего языка является важнейшим фактором для сохранения отдельного этноса.

Еще один возможный дополнительный признак этноса это определенная религиозная идеология («свои боги»), созданная или воспринятая на каком-то историческом этапе представителями данного языкового коллектива. Интересен пример религиозного размежевания древних иранцев и индийцев, говоривших на разных диалектах одного языка. Индуистский бог Дэва стал для иранцев-зороастрийцев «дьяволом». Как бы то ни было, в этом случае также действует языковой фактор, так как любая религия поддерживается неким «священным» языком, на котором созданы священные книги (или их канонический перевод) и ведется богослужение. Этот язык оказывает значительное влияние и на языки других этносов, принимающих данную религию.

Понятие *нации* с одной стороны схоже с нашим определением этноса в его вторичном психологическом компоненте — к нации принадлежат те, кто считают себя частью нации. Но ключевым первоначальным «материальным» фактором в данном случае является не язык, а формальная принадлежность индивида к тому или иному государству, т. е. гражданство. Итак, *нация* в нашем понимании, это социальная общность, включающая в себя всех граждан государства, психологически ассоциирующих себя с «нацией». Нация как социальная общность создается и поддерживается государством.

Именно государство, исторически возникающее, обычно, на основе того или иного этноса, расширяя свои географические пространства, становится «заказчиком» новой идеологической конструкции — нации. Государство появляется рань-

ше нации и создается оно на основе того или иного этноса. Этнос, организовав свой языковой, «понятный» мир, создает механизмы управления, т. е. основу государственных институтов. Видимо, нет ни одного исторически существовавшего государства, которое создавалось бы не на базе какого-то определенного этноса. Покоряя другие этносы-языки и тем самым расширяя границы государства, навязывая свой язык в качестве государственного, «государствообразующий» этнос тем самым закладывает основы создания нации. Таким образом, государство — это функция от этноса, а нация — функция от государства. После возникновения государства, создающий его этнос теряет свое расовое и физическое единообразие, включает в себя другие этносы, но сохраняет и распространяет на всей территории государства свой язык. Только в этом смысле можно согласиться с Х. Ортегой-и-Гассетом в том, что «вовсе не природная общность расы и языка создавала нацию. Но национальное государство в тяге к объединению должно бороться со множеством рас и языков» [16]. Таким образом, становление нации и государства идет одновременно. Причем результат этого процесса далеко не всегда может рассматриваться как заранее известный. Так, если этнос-создатель государства покорил слишком много других этносов-языков, а сам он немногочисленен, то скорее всего складывания нации («переваривания чужих этносов») не произойдет, а данное государство распадется (державы гуннов, Аварский каганат и т. д.). Опять-таки, если этнос-создатель количественно меньше покоренных этносов, то возможна его ассимиляция побежденными, которые навязывают чужому государству свой язык и тем самым делают его своим (пример тюркоязычного племени болгар, создавшего Болгарию, но ассимилированного местным славянским населением, маньчжуров в Китае, возможно, варягов на Руси и т. д.). В любом случае этнос-завоеватель все равно исчезает как «кровь» (т. е. миф), а остается как язык (т. е. реальность).

Окончательное складывание нации, с нашей точки зрения, происходит на этапе демократизации государства, когда подданные становятся гражданами и начинают воспринимать себя как источник суверенитета. Нация как сообщество свободных граждан без различия происхождения и этноса была создана Великой Французской революцией. Отметим, что государство теоретически может быть нейтральным арбитром по отношению к различным религиям или культурам, но оно не может быть нейтральным по отношению к языку как инструменту своей власти. Поэтому во Франции языком Республики *de facto* стал французский язык, который навязывался государством своим иноязычным (и говорящим на диалектах) гражданам на протяжении столетий и в итоге одержал окончательную победу на всей территории страны. Как отмечал французский лингвист К. Ажеж, язык во Франции это вещь политическая не в меньшей степени, чем культурная. «История французского языка не может быть отделена от истории появления и утверждения французской нации» [19]. Языковое (а не расовое или историческое) единство стало во Франции основой единства национальной.

Итак, этнос (определяемый прежде всего языком, т. е. имеющий заранее заданные лингвистические границы «своего мира») склонен к политической организации «этого мира», рассматриваемого как единое пространство, т. е. к созданию государственности. Государство, в свою очередь, является не только продуктом того или иного этноса, но и одновременно создателем нации, которая сплавляется на основе избранного государством языка. Становясь монопольной, нация фактически устраняет этнос как таковой. По самой своей сути государство это не только социальный, но и языковой феномен. В своем становлении и развитии государство пытается создать нацию как идеал, т. е. политическое сообщество, имеющее единый язык и общую идеологию (не столь важно, будет ли она выражена в форме религии или же национальной идеи).

3. Опыт лингвистической характеристики важнейших исторических процессов

История человечества — это прежде всего процесс развития его социальных структур. И сам человек возник одновременно с языком. Несмотря на множество выдвигаемых теорий, вопрос о происхождении языка остается тайной. И пока не будут найдены однозначные решения основополагающих философских проблем происхождения сознания и самого человека, этот вопрос останется открытым. Нерешенной остается и «техническая» лингвистическая проблема о существовании единого праязыка человечества. Сторонники ностратической теории вслед за библейским рассказом о вавилонском столпотворении доказывают изначальное родство фактически всех языков мира, их противники утверждают, что на основании лингвистических данных это доказать невозможно и, скорее всего, разные языковые семьи имеют в своей основе никак не связанные друг с другом «первозыки». Однако лингвисты доказали существование языковых семей, основываясь не на наивном принципе случайной схожести отдельных слов в разных языках, но на основании лингвистических законов соответственного изменения звуков в родственных языках. Как бы то ни было очевидно то, что *язык непрерывно изменяется во времени и пространстве*. Действие обоих этих факторов вместе приводит к возникновению на основе одного языка разных диалектов, которые, расходясь все дальше, сами могут стать отдельными языками (хотя сама грань между языком и диалектом условна и политически зависима). Даже на одном языке люди говорят по-разному. Каждый человек говорит на своем индивидуализированном варианте языка или идеолекте, который отражает его психологические особенности и неповторимый социальный опыт. Человек живет в определенном коллективе, т. е. в отдельном языковом сообществе, члены которого объединены, в том числе, и особенностями языка своей группы — социолектом. Эти социолекты присущи всем социальным группам любого уровня, которые, однако, связаны друг с другом тем, что сосуществуют внутри языкового сообщества отдельного языка. Разумеется, всякое изменение языка начинается на индивидуальном уровне. Затем это нововведение постепенно принимается другими членами языкового коллектива (здесь может играть свою роль как социальное «принуждение», так и «подражание»). Если этот процесс протекает в пределах одного языкового сообщества, организованного политически, то эти изменения — общие. Если часть сообщества отделяется географически (английские или испанские поселенцы в Америке, арабские племена, распространившиеся от Марокко до Ирана), политически (украинцы и белорусы в Великом княжестве Литовском) или религиозно (сербы и хорваты, индусы и древние персы), а часто и то и другое вместе — появляется новый диалект, выключенный из общего развития языкового сообщества. И постепенно этот диалект может стать новым языком. Разумеется, до появления письменности язык был не устойчив и потому изменения в нем могли происходить достаточно быстро. Таким образом, социальное расслоение лежит в основе появления социолектов, а естественные центробежные тенденции лежат в основе происхождения диалектов. Но, одновременно, действуют и центростремительные тенденции, как «воспоминание» о прошлом языковом единстве. Происходит борьба за доминирование в «своем» языковом сообществе и одновременное противодействие чужим языковым сообществам. Этот процесс является универсальной закономерностью в истории. Мы проследим его прежде всего на примере развития *латинского языка и его языкового сообщества, которое стало основой для складывания общего западноевропейского лингвополитического пространства*.

Около двух или даже двух с половиной тысяч лет назад международные отношения в Старом Свете (Европа, Северная Африка и Ближний Восток) сводились

в основном к постоянной борьбе (военной, политической, экономической) между различными языковыми сообществами, получившими политико-территориальное оформление. Главный «межцивилизационный» конфликт протекал на границе соприкосновения языков, представлявших разные языковые семьи. В нашем регионе в то время это был латентный конфликт между индоевропейской и афразийской (семито-хамитской) языковыми семьями. Между этими языковыми семьями в лингвистическом плане не существовало ничего общего. Взаимопонимание было невозможно, и даже адекватный перевод вызывал сложности. Религиозные представления и вся базовая лингвополитическая идеология этих сообществ также были «непрозрачны» и чужды друг для друга. Их связывало, разве что, общечеловеческое единство. Разумеется, это не означало, что оба этих языковых мира выступали друг против друга как единое политическое целое. Но военно-политические столкновения между «государствами», представлявшими разные языковые семьи, отличались особым ожесточением. Здесь можно вспомнить противостояние Древнего Египта (афразийская языковая семья) и Хеттской державы (индоевропейский язык), греков и финикийцев, Рима и Карфагена, арабов с индоевропейским «христианским» миром. В то же время долговременные политические союзы складывались, обычно, между лингвополитическими сообществами, принадлежавшими к одной языковой семье или к пространству единого письменного языка культуры.

В то же время сам индоевропейский мир уже много тысячелетий не представлял собой единого целого. Внутри индоевропейского языкового сообщества продолжалось противостояние «европейской» и индоиранской «ветвей», родственные связи которых к тому времени уже фактически не осознавались. Здесь тоже не существовало общей лингвополитической идеологии, и адекватный перевод с любого «европейского» языка, например, на персидский или скифский, надо полагать, вызывал серьезные сложности. Однако что-то общее в лексике, грамматике, идеологии оставалось, хотя не всегда и осознавалось. Интересно отметить, что противостоящая грекам Персидская держава ахеменидов использовала в качестве языка государственного управления не индоевропейский персидский, а семитский арамейский язык, ставший к этому времени общим разговорным языком Ближнего Востока. Причем, «самой замечательной победой арамейского языка было то, что его письменности удалось заменить клинопись в качестве средства передачи персидского языка в послеахеменидский период». Что касается языковых сообществ «европейской» ветви индоевропейской языковой семьи, то в это время можно выделить языковое сообщество италийских языков, греческое языковое сообщество, кельтские, германские, балтийские языки. Часто все они достаточно жестко противостояли друг другу, но некие общие лингвополитические черты присутствовали во всех этих языковых общностях, что делало возможным «взаимопонимание» через перевод и, следовательно, активное культурное и языковое взаимодействие между ними. Именно на этой базе возникла (или скорее возродилась) та общеевропейская лингвополитическая общность, которую Б. Уорф обозначил как «среднеевропейский языковой стандарт» (SAE).

Одновременно внутри каждой из отдельных языковых групп одной языковой семьи существовала возможность взаимопонимания без переводчиков, что и определяло границы данной общности. И хотя в процессе общения представители разных диалектов вряд ли могли понять все языковые термины и нюансы, но на этом уровне четко осознавалась родственная связь и религиозно-идеологическое единство. И хотя единой политической власти в подобного рода сообществах обычно не было, но, видимо, именно к этому уровню применим латинский термин *natio*.

Древний Рим покорил вначале свою языковую область — Лациум, потом области распространения родственных латыни италийских языков, а затем его господство расширилось и на чужие лингвистические пространства. Рим включал в свой состав

и латинизировал все покоренные народы. Причем особенно жесткие конфликты происходили с лингвистически чуждыми культурами, например, с семитоязычным Карфагеном, который в итоге был полностью уничтожен. Границы Рима и зона распространения латинского языка непрерывно расширялись. Как писал Аммиан Марцеллин, «со своего начала и до конца времени детства, т. е. почти в течение 300 лет, римский народ выдерживал войны вокруг стен города. Затем, войдя в возраст, после многообразных невзгод на полях битв он перешел через Альпы и через морской пролив; а, став юношей и мужем, стяжал победные лавры и триумфы со всех стран, входящих в круг земной; склоняясь к старости и нередко одерживая победы только своим именем, он обратился к более спокойной жизни» [2, с. 35–36]. Но империю надо было не только завоевать, но и сохранить. Для поддержания единства империи Рим долгое время использовал не только свой язык, но и «родовую» национальную идеологию в форме языческой религии (которая постоянно «интернационализировалась», включая всех чужих богов покоренных народов в римский пантеон). Но хотя Рим к III в. н. э. и согнул «выю диких народов» и дал им «законы, основы свободы и вечные устои» [2, с. 35–36], но так и не смог разрешить *двух лингвистических проблем*. С одной стороны, политически включенное в состав империи «афразийское» (или «семито-хамитское») население Ближнего Востока, к началу нашей эры говорившее в основном на родственном древнееврейскому арамейскому языке, не желало включаться в «римский мир» ни лингвистически, ни «идеологически». Большая часть арамеязычного языкового сообщества была иудеями или христианами. С другой стороны, латинское языковое сообщество испытывало сильное культурное влияние греков. Как пишет А. Тойнби, «терпимость римлян к греческому языку была чем-то большим, нежели данью уважения к превосходству греческого над латынью в качестве средства передачи культуры» [17, с. 58]. Отметим, что даже после римского покорения греческой цивилизации произошло слияние двух античных религий, но не языков. Греческий письменный язык остался языком культуры. Греческие боги получили свои римские соответствия, но Римская империя получила латинско-греческое двуязычие, что и предопределило ее распад. Греческий язык, как письменный язык культуры и международного общения всего Восточного Средиземноморья, не мог быть ассимилирован латынью. Вообще, латынь «была мало распространена среди гражданского населения на Востоке» [10, с. 20]. Таким образом, возникла парадоксальная ситуация. С одной стороны, существовала единая империя и единая гражданская «римская» нация (по эдикту императора Каракаллы в 212 г. гражданские права были дарованы всем жителям империи), но с другой стороны — латинский язык в своем распространении достиг естественных границ, которые не включали в себя большую часть империи.

В этих условиях была найдена новая идеология, способная заменить архаичные и наивные мифы и объединить не только греческий и латинский мир, но и «афразийское» языковое сообщество, у которого была заимствована религиозная форма. В 313 г. император Константин издал эдикт, которым христианство, возникшее на территории Иудеи и распространенное как в арамейском, так и в греко-римском языковых мирах, было уравнено в правах с государственной языческой религией. Сам император остался язычником, но именно по его инициативе «для государственных нужд» в 325 г. был созван Никейский собор, который урегулировал догматические споры в христианстве и утвердил единый Символ веры. В течение IV в. на всей территории Римской империи утвердилась «всеимперская» универсальная идеология. Хотя само христианство возникло на отдаленных территориях империи и создавалось на основе старых, древнееврейских форм, однако его содержание получилось принципиально новое — предназначенное не только для арамейского языкового мира, а для всей универсальной Римской империи. Если верить римским

историкам, сам Константин не отличался особым благочестием и принял крещение лишь перед смертью. Но, по его мнению, тезис о разделении земного и духовного и принцип о том, что всякая власть происходит от Бога, в наивысшей степени должны были содействовать сохранению универсальной римской нации. Однако значительная часть «афразийского» языкового мира оставалась чуждой христианству. Так, хотя «Септуагинта» (перевод Ветхого Завета с древнееврейского на греческий) и «возникла в иудейской среде, к I в. по Р.Х. иудеи стали относиться к этому переводу крайне отрицательно. Одной из причин тому была популярность Септуагинты среди христиан. Некоторые места Септуагинты, важнейшие для христиан, иудеи считали примерами неточного перевода... Poleмика с христианами заставила иудеев полностью отказаться от использования Септуагинты. Ко II в. по Р.Х. Септуагинта стала текстом исключительно для христиан» [8].

Итак, хотя и существовала единая «римская» гражданская нация (более того, можно говорить о том, что сложилась так называемая «воображаемая нация» в терминологии Б. Андерсона, т. е. общеимперская самоидентификация, ведь даже греки стали идентифицировать себя как ромеи — римляне), но единого лингвистического сообщества не сложилось. Отсутствие единого государственного языка привело к неэффективности системы управления обширным государством и в конечном итоге стало одной из основных причин краха Римской империи.

4. Лингвополитическая история: от Древнего Рима до современности

Государство может быть нейтральным по отношению к религии своих подданных, но не может сохранять нейтралитет по отношению к языку. Государственный аппарат в любом случае вынужден использовать некий избранный язык как инструмент управления обществом. В Римской империи сосуществовали две примерно равные по силе языковые группы (языковое сообщество латинского языка и языковое сообщество греческого языка), не способные ассимилировать друг друга, и тем самым создать устойчивый базис для сохранения империи (что-то похожее на ситуацию в современной Бельгии). Хотя римляне фактически исчезли как этнос (и как *gens* и как *natio*) в «плавильном котле народов», но латинское языковое сообщество постоянно расширялось и не имело причин отказываться от своей языковой идентичности. Таким образом, внутри римской гражданской (или политической) нации сосуществовали два лингвистических сообщества, оба закономерно претендующие на звание римлян, но называющие друг друга «латины» и «греки» (сами себя называющие «ромеи», т. е. римляне). Кроме того, в силу того что восток и запад империи говорили на разных языках, разделилась и идеология, т. е. толкования христианства по-латыни и по-гречески получились разные. Вышеупомянутая Септуагинта стала канонем Священного Писания на греческом языке. В IV в. святой Иероним перевел Библию на латинский язык, и этот текст стал «священным» для языкового сообщества латинского языка, но был не важен для грекоязычного сообщества. Сохраняющееся греко-латинское лингвистическое противоборство сыграло свою подспудную роль в том, что вскоре империя вновь распалась на Западную (латиноязычную) и Восточную (грекоязычную). Интересно, что важность языкового единства для сохранения империи хорошо осознавалась на Дальнем Востоке. Так, например, «в древнекитайском мире эту проблему решил характерным для него радикальным способом Цинь Шихуанди. Основатель древнекитайского универсального государства пустил в исключительное обращение ту версию китайских письмен, которая официально использовалась в его собственном родовом государстве Цинь. Тем самым ему удалось приостановить слишком далеко зашедшую к концу предшествующего «смутного времени» тенденцию каждо-

го из «борющихся царств» развивать местную систему письма» [17, с. 55]. Также действовали и арабские омейядские халифы. Например, Абд аль-Малик (685–705 гг.), который «в качестве официального средства ведения государственных записей заменил арабским языком и письмом греческие в бывших римских провинциях Арабского халифата и пехлевийские — в бывших сасанидских провинциях» [17, с. 56].

Таким образом, лингвистический конфликт, ставший в последние века существования единой Римской империи главным фактором, определяющим ее исторические судьбы, привел к закономерному результату. Восточная Римская империя (позднейшая Византия) отделилась, не утратив общеримской идеологии, но постепенно теряя латинский язык. Византиец «отказывался от кровного родства с греками, говоря на греческом; он претендовал на кровное родство с римлянами, не ведая их языка. В понятии «ромеи» заключался лишь политически-конфессиональный смысл» [14, с. 40]. Однако, с нашей точки зрения, не стоит преувеличивать «космополитизм» и лингвистический плюрализм Византийской империи. Понятие «ромеи» после распада империи стало соответствовать грекоязычному лингвополитическому сообществу, главным критерием принадлежности к которому было знание греческого языка. Ибо «знание греческого языка было первым и самым важным условием для социального успеха в Византийской империи» [14, с. 252]. Поэтому греческий язык учили представители различных этносов. Однако «византийцы никогда не забывали об этническом происхождении человека, если оно не было греческим... Ксенофобские рассуждения византийских авторов приписывали всевозможные природные недостатки персам, армянам, тюркам Анатолии, куманам, славянам, западноевропейцам... и другим народам» [14, с. 252]. А в XIII в. византийцы начинают отказываться от этнонима «ромеи», возвращаясь к исконному — «эллины».

Почти одновременно с расколом империи на Западе возникает еще один долговременный языковой конфликт (так же, как и греко-римский, проходящий внутри европейской ветви индоевропейской языковой семьи), определивший развитие Европы на столетия вперед. Латинское языковое сообщество, оформленное как Западная Римская империя, потеряло свою государственность (476 г.) и попало в политическую зависимость от германоязычного мира, который до этого на протяжении многих веков выступал лишь как объект римской военной, культурной и идеологической экспансии. В германском мире (*natio*) не было политического единства, но его культурная однородность поддерживалась общим языком и «языческой» протогерманской религией. Затем под восточно-римским влиянием готы и другие восточногерманские племена приняли христианство, но на своем языке и в своей «германской» модификации (видимо, не случайно ею стала «арианская ересь», разгромленная в империи, но оказавшаяся близкой к мировосприятию готов). Как пишет Иордан, готы, спасаясь от гуннов, выразили желание подчиниться римским законам и жить под владычеством восточно-римского императора Валента, если «он передаст им для поселения область Фракии или Мезии. Кроме того, чтобы больше было им веры, они обещают стать христианами, если только будут им даны наставники, учащие на их языке. Получив такое известие, Валент тотчас же с радостью согласился на это, так как и сам, помимо всего, собирался просить о том же. Приняв гетов в Мезию, он поставил как бы стену государству своему против остальных [варварских] племен. А так как император Валент, увлеченный арианским лжеучением, закрыл все церкви нашего толка, то и послал к ним проповедниками сочувствующих своему направлению; они, придя туда, стали вливать [в души] этих грубых и невежественных людей яд своего лжеучения. Так вот везеготы благодаря императору Валенту сделались арианами, а не христианами. В дальнейшем они, движимые доброжелательством, просвещали как остроготов,

так и гепидов, своих родичей, уча их преклоняться перед этим лжеучением; таким образом, они склонили все племена своего языка к признанию этой секты» [7]. Как бы то ни было германский мир покорил Рим политически, но сам попал от него в культурную и языковую зависимость, освободиться от которой (и то частично) смог лишь во времена реформации. Другими словами, хотя германцы и подчинили себе военным путем латиноязычное языковое сообщество, но сами стали пленниками его языка, культуры и цивилизации. Это особенно хорошо видно на примере государства одного из германских племен франков, которое постепенно сумело преодолеть латинско-германскую языковую и конфессиональную вражду. Таким образом, на общей лингвистической (латинский язык) и конфессиональной основе возникло германо-романское единство, ставшее базисом для складывания современного западноевропейского мира. Но почти одновременно возобновилось «межцивилизационное» противоборство народов, принадлежащих к европейской ветви индоевропейской семьи и народов семитской группы афразийской языковой семьи. Карфаген был разрушен римлянами, но через сотни лет его земли (Северная Африка и Испания) были отвоеваны близкими лингвистическими родственниками карфагенян — арабами. На этот раз возобновившееся противоборство этих языковых семей было оформлено как конфликт христианства и мусульманства.

Франки постепенно восстановили Западную империю (по крайней мере формально и территориально) и заняли в ней господствующее положение ценой принятия чуждой германцам христианской конфессии (католичества) и чужого языка (не только классического латинского как языка культуры, но и разговорной народной латыни). В 800 г. король франков Карл Великий был коронован как римский император. Разумеется, Византия не признавала императором грубого «франка». Таким образом, не прекращалось и извечное противостояние между греческим и латинским языковыми сообществами (включившему в сферу своего лингвистического и религиозного влияния и германоязычное население). По словам византийского императора Никифора Фоки (в передаче Лиутпранда Кремонского), «святий Константин перенес сюда имперский скипетр, сенат и все римское рыцарство, не оставив в Риме ничего, кроме подлых фаворитов, рыбаков, торговцев, птицеводов, бастардов, плебеев и рабов» [9]. Впрочем, на Западе амбиции Константинополя не признавались. Папа Римский и его посланцы именовали византийского императора «греческим», мотивируя это, прежде всего, языковыми причинами: «Мы, конечно, знаем, что Константин, Римский император, явился сюда с римским рыцарством и основал здесь город своего имени; но поскольку вы сменили свой язык, свои обычаи и свое платье, преосвященный папа счел, что название „римлян“, так же, как их [римлян] платье, оскорбит вас» [9]. Однако всеобщей лингвистической ассимиляции населения и на Западе не произошло, «империя» оказалась недолговечной. Лингвистически неоднородный конгломерат «протофранцузов», «протонемцев» и «протоитальянцев» распался при первой же возможности. Не случайно потомки Карла Великого, деля империю и заключая между собой договор (840 г.), подписывали текст на трех языках. Появились новые более однородные лингвистические нации: «Франция», «Германия», «Италия». Однако между ними продолжала существовать тесная династическая связь, единая религия-идеология (и ее символ Папа Римский) и единое пространство латинского письменного языка, которое никто не мог единолично «приватизировать».

Вторичное частичное «восстановление» Римской империи произошло в 962 г., когда король Германии Оттон I, происходящий из рода герцогов Саксонии, совершил военный поход в Италию и уничтожил политически самостоятельное итальянское королевство. Однако «третье издание» Западной империи вряд ли могло претендовать на всеевропейскую политическую гегемонию. На Западе опять возникло двуязычное государство, на этот раз германо-латинское с преобладанием

немецкого языкового сообщества (*natio*). Другие лингвистические сообщества, попавшие в состав «восстановленной» империи, также были не довольны притязаниями немцев. Тем не менее в языковом плане к концу XVI в. Священная Римская империя становилась все более германской, эмансипируясь от культурного влияния латинского языка и церкви. Это выразилось и в названии. Последнее официальное изменение названия империи произошло во второй половине XV в. Общегерманские рейхстаги (1442, 1471) и договоры начинают официально употреблять сочетание «Священная Римская империя и немецкие земли», «Священная Римская империя и немецкая нация» (*Teutschen Nation*, по-латински: *sacri Romani imperii ac celeberrimae nationis Germanicae*), *das Römische Reich Teutscher Nation* (1486). Название Священная Римская империя германской нации окончательно получает официальное закрепление в 1512 г.

Подводя некоторые итоги нашего исторического экскурса в историю средневековой Европы, вероятно, стоит отметить, что существование единой европейской христианской общности в Средние века и раннее Новое время может рассматриваться как исторический факт, только с учетом серьезных оговорок. Как реальное языковое сообщество «западнхристианский мир» существовал и связывался латинским языком только на уровне элит, но не неграмотных этнических масс, исключенных из этого языкового сообщества. Все межнациональные династические браки с произвольным разделением и перекройкой сложившихся лингвистических территорий возможны были только для латиноязычной элиты и только в границах общего христианского лингвоидеологического мира. Высшие классы отчасти существовали в едином языковом сообществе письменного священного языка (космополитизм), и естественной границей этого эндогамного надэтнического языкового мира стало христианство. Стержнем этого историко-культурного единства, «*quasi una natio*» была панъевропейская организация Римской Католической церкви и Папа Римский как символ «христианской нации». Однако латынь, хотя и оставалась специфическим языком, присущим миру власть имущих, уже давно была мертвым языком, и европейские элиты для живого общения использовали живые разговорные языки своих этносов. Таким образом, даже они существовали одновременно в двух языковых сообществах и имели по крайней мере две лингвоидеологических «идентичности», что, несомненно, также усиливало центробежные тенденции в искусственном языковом сообществе латинского языка. Итак, в Европе того времени одновременно сосуществовали панъевропейская духовно-идеологическая *quasi*-нация, несколько крупных светских «государственных» наций, обладавших политическим суверенитетом, и множество полусуверенных феодально-этнических *gentes* на базе политико-территориальных образований.

Эта языковая и идеологическая пестрота делала возможным создание самых причудливых ситуативных союзов против общего врага или для преследования не идеологического, а материального интереса, всегда живущего в душах людей, на каких бы языках они ни говорили и ни думали. Более-менее чистый «цивилизационный» долговременный политико-религиозный конфликт вели друг с другом два самых мощных политико-государственных образования того времени — Священная Римская империя Германской нации и Османская империя (как ни парадоксально, также именовавшая себя «Румом» и претендовавшая на правопреемство и наследство Римской империи)¹. Хотя история международных отношений XVI в. в Европе и на Ближнем Востоке представляет собой бесконечную череду войн с постоянной ситуативной сменой коалиций, не опирающихся ни на культурную, ни на языковую, ни даже на религиозную близость, тем не менее, на взгляд исследователя из XXI в.,

¹ Интересно, что именно в XVI в. появляется и третий претендент на римское правопреемство — концепция «Третьего Рима» в Москве.

при всем многообразии союзов и альянсов в XVI в. наличествовала некая постоянная константа, «глобальная канва» при создании долговременных коалиций государств, которые, собственно, и определили основные контуры мироустройства не только следующего XVII столетия, но и саму «Вестфальскую систему», так или иначе существующую до сих пор.

В XVI в. набирает силу противостояние германских и романских языков в западнохристианском мире (на фоне потерей латыни своего статуса единственного письменного языка), в мусульманском мире не прекращается арабо-турко-персидское соперничество, в разделенном конфессионально славянском мире усиливается противостояние западнославянских и восточнославянских языков (Речь Посполитая и Россия). Поэтому деятельность всех значимых исторических фигур данного времени определялась, прежде всего, политическим и культурным фоном, на котором они действовали и в котором сформировались как личности. Разумеется, важным фактором являлось то, что Лютер происходил из немецких крестьян, говорил на «живом», не латинизированном немецком языке (по выражению К. Маркса, он «вычистил Авгиевы конюшни не только церкви, но и немецкого языка»). Еще более важным обстоятельством для формирования особой «немецкой идеологии», «немецкой веры» было то, что Лютер переводил Библию не с латинского («Вульгата»), а с древнееврейского и греческого языков, причем пытался достичь «приоритета смысла текста над буквальностью» (как сам он писал в «Послании о переводе», 1530). Но действовал он под неясным прессом «своего» немецкого языка, воплощая в жизнь надежды всего немецкого языкового сообщества. Он уложил Библию в свои мыслительные и языковые схемы, одновременно создав нормы «литературного, общенемецкого» языка, взяв словарный материал из живой немецкой речи, а грамматику из языка «саксонской канцелярии» («Я не имею своего особого немецкого языка, я пользуюсь общим немецким языком так, чтобы меня одинаково понимали и южане и северяне»). Таким образом, деятельность Лютера укладывается в историю противоборства романского (латинского) и германского языковых миров. «Порабощенный» латынью (как «уздой») германский мир берет реванш в виде «Реформации». После этого латынь отбрасывается и романскими странами, где также начинается переход к национальным языкам. «Реформация» это «немецкая вера», возникшая на основе «освобождения» немецкого языка и, следовательно, «немецкой идеологии» от влияния латиноязычного мира.

Границей современного этапа развития международных отношений принято считать Вестфальский мирный договор, закончивший общеевропейскую Тридцатилетнюю войну и заложивший основу международной системы суверенных государств. Начиная с XVI в. стремление ряда европейских держав (Священная Римская империя Карла V и его наследников, Испания Филиппа II, Франция Людовика XIV) к панъевропейской внутрицивилизационной гегемонии наталкивалось на все большее сопротивление складывающихся европейских национальных государств. Так, например, экспансионистские стремления германских и испанских Габсбургов встречали серьезное противодействие. «Против габсбургского блока стояла хотя и неоформившаяся, но уже достаточно активная коалиция в составе Франции, Англии, Нидерландских Соединенных Штатов, Савойи, Дании, Швеции, Венеции, Трансильвании. Каждое из этих государств имело свои собственные претензии и интересы, нередко взаимно исключавшие друг друга, но их объединяло сознание страшной опасности, которой мировое положение и агрессивная политика Габсбургов подвергало любое из них в отдельности и всех вместе» [4, с. 7]. Эта ожесточенная борьба носила внутрицивилизационный характер, но, одновременно, Европа как целое приобретала все большее значение в международных делах и становится в итоге мировым гегемоном, несмотря на отсутствие внутреннего единства. Тем не менее осознание этого единства и стремление

к его политическому оформлению оставались постоянной константой европейской политической мысли. Так, например, «великий замысел» французского короля Генриха IV, описанный в мемуарах Сюлли, предусматривал объединение всей Европы для борьбы против двух противников — Турции и России. Интересно, что если необходимость войн с «неверной» Турцией аргументировалась «в традиционном крестоносном стиле», то «исключение Московии из содружества христианских государств Европы... приходится мотивировать очень искусственно: ее необозримые пространства раскинуты более в Азии, чем в Европе; своим территориальным положением она слишком связана с Татарией, Турцией и Персией, чтобы бороться против них вместе с европейцами; обитающие в ней народы — дикари и варвары, что затруднит их сотрудничество с европейцами; многие из них пребывают в язычестве и идолопоклонстве; христианство русских слишком непохоже на европейское и, напротив, слишком похоже на азиатское, т. е. на христианство греков и армян, пребывающих «под турком». Из всей этой перспективы выводится и необходимость для будущей европейской конфедерации поддерживать сильную Польшу, как оплот «против турка, москвиты и татарина» [13, с. 47–48]. Характерно, что подобного рода проекты воспринимались в то время достаточно серьезно. Так, например, во время Тридцатилетней войны Османская империя опасалась, что «восстановление мира (неважно при каком исходе) между христианскими государствами не повлекло за собой их объединенной атаки против Турции» [4, с. 131]. Ибо не только католический император, но и протестантский шведский король «поставил своей задачей, после победы над Габсбургами, начать войну против турок ради изгнания их из Европы» [4, с. 131]. Даже Россия предлагала Австрии в 1613–1615 гг. «тесный оборонительно-наступательный союз «мимо всех государей» как против Турции, так и против «иных вобчих недругов». Москва изъявляла даже готовность, в нарушении всех своих традиций, заключить такой же союз с Испанией и Римским Папой, чтобы общими силами ударить на «врага креста Христова» — Турцию». «Совместному выступлению всех «крестьянских государей» против Турции, уверяли московские дипломаты, «мешает только недруг злой польской Жигимонт король» [4, с. 30]. Однако подобного рода проекты оставались лишь на бумаге, поскольку в отсутствие сильного внешнего «цивилизационного» врага внутрицивилизационное европейское соперничество стало одновременно и борьбой за мировую гегемонию. Все остальные цивилизации были сведены к роли объектов колонизации и экспансии. В этих благоприятных внешних условиях европейский мир неоднократно раскалывается сначала на религиозной, а затем и на идеологической основе. Каждая из ведущих европейских наций (а к XVIII в. складывается «пентархия» великих держав, включающая в свой состав Англию, Францию, Россию, Австрию и Пруссию) поочередно предлагает свой лингвоидеологический глобальный проект. Так, например, революционные и Наполеоновские войны конца XVIII — начала XIX вв. сопровождался возникновением и распространением «универсальной» французской идеологии, которая несет благо всем народам. Однако другие языковые сообщества не хотели принимать это «благо», сформулированное по-французски, что привело к ожесточенной партизанской войне в Испании, национальному «пробуждению» Германии и России.

«Век наций», начатый Великой французской революцией, закончился Первой мировой войной, в которой в борьбе за мировое лидерство столкнулись англо-французская и германская внутрицивилизационные идеологические модели. Как говорил германский император Вильгельм II, «наш язык и наша культура постоянно завоевывают все новые области за морями. Наша нация и наши открытия далеко распространяют свой полет: в кругу современных знаний нет работы, которая не была бы написана на немецком языке, и нет такой мысли, которая не

была бы высказана у нас раньше, чем восприняли ее другие народы. Вот мировое владычество, к которому стремится германский дух»¹. В своей книге «Рассуждения аполитичного», написанной в годы Первой мировой войны, знаменитый немецкий писатель Т. Манн заметил, что «только во время войны с ужасом и трепетом мы вынуждены были узнать, как же они нас (а не мы их) все время ненавидели, ненавидели вовсе не по экономическим, но — что значительно ядовитее — по политическим причинам. Мы даже не подозревали, что под прикрытием миролюбивых интернациональных связей в открытом Богу мире, ненависть, неутолимая смертельная ненависть политической демократии..., направленная против нас, нашего государственного устройства, нашего духовного милитаризма, духа порядка, авторитета и долга, занималась своим проклятым делом» [11]. Мы отмечали выше, что идеология это не только отражение и прикрытия экономических интересов, или инструмент пропаганды. По своим истокам идеология — это естественный исторический продукт любого языкового мира. В годы Первой мировой войны союзники вели войну на уничтожение германского политического режима, объявленного в лице Вильгельма II «преступным». Это «идеологическое противостояние» (а не только экономические и политические споры) в те времена хорошо осознавалось как политическими деятелями, так и широкими общественными кругами. Здесь можно согласиться с Вильгельмом II, который в речах к немецкой нации в начале войны заявлял, что «речь идет о существовании или небытии нашей империи... О существовании или небытии немецкого могущества и немецкой сущности» [23, с. 103]. И «современное положение возникло не из-за переходящего конфликта интересов или дипломатических споров, это результат активного и давнего недоброжелательства к власти и процветанию немецкой империи» [24, с. 104]. Интересный образец рефлектирующей «немецкой идеологии» предлагает знаменитый немецкий писатель Томас Манн в своих «Рассуждениях аполитичного», увидевших свет в 1918 г. Лауреат Нобелевской премии по литературе противопоставляет немецкую «культуру» с несущим ее «духом» англо-французской цивилизации и ее действующему инструменту — «политике». Как пишет Т. Манн, «политический дух с логической неизбежностью проявляющий себя анти-немецким в сфере духа, в сфере политики оказывается германофобией... Демократия (политика) чужды и вредны самому немецкому существованию» [11]. Впрочем, по словам английского премьер-министра Ллойд-Джорджа, «Для высших и важнейших интересов не только нашей страны, но и всего мира, необходимо, чтобы Британия при всех случайностях сохраняла свое место и свой престиж между великими державами мира. Ее могущественное влияние долго было в прошедшем и будет еще, вероятно, в будущем, незаменимым для дела человеческой свободы»².

В противовес англосаксонской идеологии в основе традиционной германской «национальной идеологии» лежал некий набор «бессознательных догм», сформулированных немецким языком в процессе его исторического развития (немецкая концепция «порядка», специфические немецкие понятия долга и нравственности). А. Вежбицкая пишет о разнице немецких и английских культурных сценариев. В то время как для англичан ценна «личная автономия», то для немцев «общественная дисциплина». Это связано с существованием ключевых культурных концептов, вырастающих из логики языка. В то время как немецкий язык требует от своего носителя «порядка» (Ordnung, «подчинение времени и пространства порядку — одно из величайших достижений германского общества» [12]), английский навязывает им концепт «freedom» (свободы). Побеждающий либерализм не случайно

¹ Хроника. Новая книга о Вильгельме II // Вестник Европы. СПб. Сентябрь, 1911. С. 341.

² Вестник Европы. СПб. Август, 1911. С. 387.

возник в англосаксонском мире, он вырос на почве английского языка. Так, например, «в самом значении слова *freedom* уже заключена некоторая точка зрения. Эта точка зрения, закодированная в значении слова, составляет важный общественный факт» [5, с. 212].

Таким образом, представляется, что конфликт «немецкого» и «английского» языковых миров в начале XX в. был неизбежен не только по экономическим, но и по лингво-идеологическим причинам, и Первая мировая война может рассматриваться и как идеологическое противостояние. Это доказало возникновение фашистского режима на руинах «неудачно переведенной с английского» немецкой республики и Вторая мировая война сделавшая всемирное идеологическое противостояние очевидным. Лишь после двукратного провала германских претензий на мировое идеологическое и политическое господство произошла коренная «перезагрузка» немецкой идеологии и немецкого языка, создавшая новую демократическую Германию. Впрочем, этот итог был лингвистически закономерен. Еще в 1888 г., когда германского канцлера О. фон Бисмарка спросили о том, что станет основным фактором, определяющим ход развития мировой истории в следующие сто лет, он ответил «тот факт, что североамериканцы говорят по-английски» (*«dass die Nordamerikaner Englisch sprechen»*) [22]. Бисмарк чувствовал, что все важнейшие исторические тренды запрограммированы лингвистическими факторами. Вся история «лингвистична».

5. Заключение

В процессе политико-экономического развития и завоеваний происходит постепенный переход от племен к государствам, а от «этнических» государств к империям. Исчезает религиозное многообразие в пользу «имперской» религии, происходит языковая унификация. Но постоянное расширение границ приводит к невозможности ассимиляции и естественному географическому регионализму. Проще сменить религию, чем язык. Опять начинается распад, происходит переход от империи к государствам. Одновременно и оставшаяся в наследство от империи универсальная религия, поддерживаемая «священным языком» империи, все более «этнизруется» каждым отдельным языковым сообществом. Однако исчезнувшие империи виртуально продолжают свое лингвоидеологическое существование, если оставляют после себя сложившееся и многочисленное языковое и религиозное сообщество. Среди исчезнувших политически, но культурно сохранившихся империй можно назвать не только Западно-Римскую, но и Арабский халифат, средневековую испанскую колониальную империю и т. д.

Однако в конце XIX — начале XX вв. национальное государство вследствие экономического развития и завоеваний вновь выходит за рамки своих естественных языковых границ. На базе национального государства создаются колониальные империи, поделившие между собой весь мир. В это же время естественным образом появляются идеологии, претендующие на глобальную универсальность и на всемирное господство. После Второй мировой войны происходит исторически закономерный распад лингвистически неоднородных колониальных и псевдоколониальных империй. «Великие державы» возвращаются к своим естественным национальным и отчасти «цивилизационным» (в случае Европейского Союза) границам, а основой внутреннего единства снова становится язык. Отметим, однако, что процесс распада колониальных империй постепенно перекидывается и в «метрополии», в которых все большее значение начинают приобретать процессы фрагментации.

В современном мире лингвистический фактор сопровождает (или даже лежит в основе) важнейших глобальных исторических процессов. Одновременно набирает

силу процесс экономической глобализации, который все больше ставит под вопрос сам принцип государственного суверенитета. «Дух капитализма» вновь ведет человечество вперед. Новая глобальная идеология требует рыночного общества и минимального государства, или даже говорит о всемирном обществе, призванном заменить систему государств. Но, как бы то ни было, этот новый универсализм по крайней мере «цивилизационен», а в своей конкретной форме и «национален». Он — продукт европейского, западного и христианского мира как общности и англоязычен в своей конкретной интерпретации. Глобализация сопровождается и одновременно продвигается всепланетным распространением английского языка, выходом его на глобальный уровень. Одновременная фрагментация во всех своих формах (за счет ослабления роли государств) также, прежде всего, возникает на основе языкового многообразия. Лингвистический фактор в значительной степени определяет будущее международных политических союзов, соотношение сил между которыми и должно обозначить контуры нового мирового порядка. Современные лингвистические ландшафты это результат исторических изменений. Но это не только музейные экспонаты, покрытые геополитической пылью. Они определяют будущие тренды мировой истории. Прошли века завоеваний, насильственной ассимиляции и великого переселения народов. Но лингвистическая карта не застыла как лава, повинувшись волшебной полочке Фукуямы. В сущности, процесс внутриязыковых изменений лишь ускорился, а границы между языками стали более расплывчатыми. Языковая карта меняется все так же быстро, как и в прошедшие века. Борьба языков не остановилась, и с внешней стороны ничего не изменилось. Настали времена политико-экономического доминирования (всемирного или регионального), массового изучения глобального и государственных языков и массовой миграции.

Итак, наш основной вывод может быть сформулирован достаточно просто: *на долгих исторических промежутках доминируют языковые разделения, выступающие в своих разных социальных формах*. Множественность социальных разделений, так или иначе, всегда преодолевается константой языка, который изменяется гораздо медленнее. Языковое разделение побеждает все остальные.

Литература

1. Ажеж К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М., 2003. 304 с.
2. Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 1994. 706 с.
3. Блумфилд Л. Язык. М., 1968. 608 с.
4. Вайнштейн О. Л. Россия и Тридцатилетняя война. Л., 1947. 216 с.
5. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001. 288 с.
6. Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. М., 1991. Т. 2.
7. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 1997. 946 с.
8. Казенин К. Текстология Ветхого Завета (обзор) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.biblicalstudies.ru/OT/57.html> (дата обращения: 12.01.2016).
9. Лиутпранд Кремонский. Посольство в Константинополь к императору Никифору Фоке // Лиутпранд Кремонский. Антаподосис. М., 2006. 191 с.
10. Лукомский Л. Ю. Аммиан Марцеллин и его время // Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 1994. 576 с.
11. Манн Т. Рассуждения аполитичного. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.magazines.russ.ru/vestnik/2008/24/ma15.html> (дата обращения: 12.12.15).
12. Немецкие культурные сценарии // А. Вежбицкая. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. 780 с.
13. Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в неё Швеции и Московского государства. М., 1976. 436 с.
14. Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. М., 2008. 304 с.
15. Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. 656 с.

16. Соловьёв Э. Рукотворный контекст этнополитики // Международные процессы. Т. 6 № 1 (16) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intertrends.ru/sixteenth> (дата обращения: 09.12.2015).
17. Тойнби А. Дж. Исследование истории. СПб., 2006. Т. III.
18. Худoley К. К., Новикова И. Н., Ланко Д. А. Инновационное образование для Балтийского региона: опыт российско-финляндского трансграничного университета // Балтийский регион. 2010. № 3. С. 21–28.
19. Clapié M. «La langue de la république est le français!» Heurts et malheurs d'une consécration institutionnelle // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.revue-libres.com> (дата обращения: 23.12.2015).
20. Claudius Marius Victor. Commentariorum in Genesim // [Электронный ресурс]. URL: http://www.documentacatholicaomnia.eu/04z/z_0385-0445 (дата обращения: 26.12.2015).
21. Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX. ed. W. M. Lindsay, Oxford 1911 // [Электронный ресурс]. URL: http://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost07/Isidorus/isi_et00.html (дата обращения: 06.01.2016).
22. Prof. Dr. Jutta Limbach (Vorsitzende des Deutschen Sprachrats, Präsidentin des Goethe-Instituts). Rede im Rahmen der Berliner Lektionen 2005 der Berliner Festspiele: «Ich liebe unsere Sprache» // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.deutscher-sprachrat.de/aktionen/berliner-lektionen-2005> (дата обращения: 18.12.15).
23. Wilhelm II. An das deutsche Volk // Muller-Preusser. Deutsch im Ausland. Leipzig, Berlin, 1917.
24. Wilhelm II. Thronrede am 4. August 191 // Muller-Preusser. Deutsch im Ausland. Leipzig, Berlin, 1917.

References

1. Hagege C. *Homo speaking. Linguistics contribution to the humanities* [Chelovek govoryashchii. Vklad lingvistiki v gumanitarnye nauki]. M., 2003. 304 p. (rus)
2. Ammianus Marcellinus. *Roman history* [Rimskaya istoriya]. SPb., 1994. 706 p. (rus)
3. Bloomfield L. *Language* [Yazyk]. M., 1968. 608 p. (rus)
4. Wainstein O. L. *Russia and Thirty years' war* [Rossiya i Tridtsatiletnyaya voina]. L., 1947. 216 p. (rus)
5. Wierzbicka A. *Understanding of cultures through keywords* [Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov]. M., 2001. 288 p. (rus)
6. Hobbes T. *Compositions* [Sochineniya]: In 2 v. M., 1991. V. 2. (rus)
7. Jordanes. *The Origin and Deeds of the Getae* [O proiskhozhdenii i deyaniyakh getov]. SPb., 1997. 946 p. (rus)
8. Kazenin K. *Textual criticism of the Old Testament (review)* [Tekstologiya Vetkhogo Zaveta (obzor)] [An electronic resource]. URL: <http://www.biblicalstudies.ru/OT/57.html> (date of the address: 1/12/2016). (rus)
9. Liutprand of Cremona. *Embassy to Constantinople to the emperor Nicephorus Phocas* [Posol'stvo v Konstantinopol' k imperatoru Nikiforu Foke] // Liutprand of Cremona. Antapodosis [Liutprand Kremonskii. Antapodosis]. M., 2006. 191 p. (rus)
10. Lukomsky L.Yu. *Ammianus Marcellinus and his time* [Ammian Martsellin i ego vremya] // Ammianus Marcellinus. Roman history [Ammian Martsellin. Rimskaya istoriya]. SPb., 1994. 576 p. (rus)
11. Mann T. *Reflections of an Unpolitical Man* [Rassuzhdeniya apolitichnogo] [Electronic resource] // URL: <http://www.magazines.russ.ru/vestnik/2008/24/ma15.html> (date of the address 12.12.15). (rus)
12. *German cultural scenarios* [Nemetskie kul'turnye stsennari] // Wierzbicka A. Semantic universals and description of languages [Semanticheskie universalii i opisanie yazykov]. M., 1999. 780 p. (rus)
13. Porshnev B. F. *Thirty years' war and entry in it of Sweden and Moscow state* [Tridtsatiletnyaya voina i vstuplenie v nee Shvetsii i Moskovskogo gosudarstva]. M., 1976. 436 p. (rus)
14. *Religious and ethnic traditions in forming of national identity in Europe* [Religioznye i etnicheskie traditsii v formirovanii natsional'nykh identichnostei v Evrope]. M., 2008. 304 p. (rus)
15. Sepir E. *The status of linguistics as science* [Status lingvistiki kak nauki] // Chosen works on linguistic and cultural science [Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii]. M., 1993. 656 p. (rus)
16. Solovyov E. *Man-made context of ethnopolitics* [Rukotvornyi kontekst etnopolitiki] // International processes [Mezhdunarodnye protsessy]. V. 6 N 1 (16) [An electronic resource]. URL: <http://www.intertrends.ru/sixteenth> (date of the address: 12/9/2015). (rus)

17. Toynbee A. J. *A Study of history* [Issledovanie istorii]. SPb., 2006. Vol. III.
18. Khudoley K. K., Novikova I. N., Lanko D. A. *Innovative education for the Baltic region: experience of the Russian-Finnish cross-border university* [Innovatsionnoe obrazovanie dlya Baltiiskogo regiona: opyt rossiisko-finlyandskogo transgranichnogo universiteta] // Baltic region [Baltiiskii region]. 2010. N 3. P. 21–28. (rus)
19. Clapié M. «*La langue de la république est le français*»! *Heurts et malheurs d'une consécration institutionnelle* // [Electronic resource]. URL: <http://www.revue-libres.com> (date of the address: 23.12.2015).
20. Claudius Marius Victor. *Commentariorum in Genesim* // [Electronic resource]. URL: http://www.documentacatholicaomnia.eu/04z/z_0385-0445 (date of the address: 26.12.2015).
21. Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX. ed. W. M. Lindsay, Oxford 1911 // [Electronic resource]. URL: http://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost07/Isidorus/isi_et00.html (date of the address: 06.01.2016).
22. Prof. Dr. Jutta Limbach (Vorsitzende des Deutschen Sprachrats, Präsidentin des Goethe-Instituts). Rede im Rahmen der Berliner Lektionen 2005 der Berliner Festspiele: »Ich liebe unsere Sprache« // [Electronic resource]. URL: <http://www.deutscher-sprachrat.de/aktionen/berliner-lektionen-2005> (date of the address: 18.12.15).
23. Wilhelm II. An das deutsche Volk // Muller-Preusser. Deutsch im Ausland. Leipzig, Berlin, 1917.
24. Wilhelm II. Thronrede am 4. August 191 // Muller-Preusser. Deutsch im Ausland. Leipzig, Berlin, 1917.